

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ

Уникальный архитектурный ансамбль Новгородского кремля, сформировавшийся на протяжении XI—XX вв., занимает особое место в истории древнего города на Волхове. Об этом ярко свидетельствует историография изучения того одновременного и многослойного памятника архитектуры и археологии, каким является на сегодняшний день кремлевский комплекс. Сложно определить само содержание понятия «кремль» для Новгорода: за тысячелетнюю историю укрепленное ядро города — детинец — трансформировалось в многофункциональный элемент градообразующей структуры, в нераздельный комплекс фортификационных, церковных и гражданских сооружений. До предела насыщенный ценнейшими памятниками архитектуры и не менее ценным культурным слоем, Новгородский кремль является не просто совокупностью памятников истории, археологии и архитектуры, но совершенно особой исторической средой, отделенной четкими границами от внешнего мира, сохраняющей следы различных исторических эпох и требующей специфической методики изучения. В полном соответствии с многогранностью облика кремля развивается и его историография, прошедшая за двести лет трудный путь от робких пересказов летописных сообщений до полноценного научного исследования. Внесение кремлевского комплекса в 1989 г. в реестр мирового наследия ЮНЕСКО наряду с приданием ему статуса памятника мирового значения явилось актом признания заслуг исследователей кремля.

Начатые в последние годы сбор и обобщение накопленной информации о кремле, ведущиеся в рамках реализации Программы-концепции комплексного инженерно-диагностического обследования кремля, являются давно назревшим и закономерным этапом историографии, без которого невозможно дальнейшее продвижение в решении большинства существующих проблем истории детинца-кремля. Основной смысл нового этапа должен, на наш взгляд, заключаться в следующем: не ограничиваться учетом и суммированием накопленных выводов и мнений, а через глубокий и разносторонний анализ источниковой базы двигаться к выяснению реальных основ знаний о кремле и его предшественнике детинце. С этих позиций и составлен данный обзор историографии Новгородского кремля.

Следует отметить, что вопросы историографии для кремля не разработаны. Несмотря на явную значимость детинца в общегородской истории, наиболее значительные публикации о нем относятся к 1950-м—60-м годам, и, по признанию самих авторов, носили предварительный характер.¹ Достигнутые в результате реставрационных работ успехи в изучении архитектуры и археологии кремля вывели его в число наиболее изученных древнерусских крепостей. Однако за последние несколько десятилетий активность исследований заметно

¹ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // МИА. М., 1952. № 31. С. 7, 92.

снизились и отчетливо проявилась тенденция к изучению отдельно взятых памятников кремлевского ансамбля. Именно масштабность самого кремля, насчитывающего тысячелетнюю историю и включающего в себя десятки сохранившихся и погребенных в культурном слое архитектурных объектов, является главной причиной, сдерживающей попытки к созданию обобщающих исследований. Дополнительные сложности возникают также из-за отсутствия четкого представления о взаимосвязи двух сосуществующих в истории и историографии терминов — «детинец» и «кремль». При многократных попытках свести различия между ними к простой эволюции названий, не изменившей содержания самого исторического объекта, нам кажется целесообразным их разделение по хронологическому принципу. Ранее уже отмечалась приверженность летописцев к употреблению названия «детинец» при обозначении новгородской крепости.² Кроме того, неясное этимологическое происхождение слова «детинец»³ в полной мере отражает сложность в определении изначальных функций обозначенного этим словом в летописях объекта. Еще в прошлом столетии историк русской церкви Е. Голубинский писал: «Детинец первоначально был очень незначительных размеров, ведь назначением его было служить оградой для живущих около собора, то есть для епископа с клиром, а не местом осадного сидения для всех жителей города».⁴ Схожую с приведенной точку зрения высказывал в 1950-е годы П. А. Раппопорт в оценке существовавших в XI—XII вв. стен вокруг Киевской Софии, «епископского замка» в Переяславле и детинца во Владимире-на-Клязьме, имевших, по его мнению, «гораздо более художественное, чем военное значение».⁵ Строительство же кремля, совпадающее с началом московского периода в истории Новгорода, придает прежнему детинцу довольно четкое значение военно-оборонительного и административного городского центра. Исходя из вышеуказанного, представляется более оправданным употребление названия «детинец» исключительно для обозначения фигурирующего в летописях исторического феномена периода новгородской независимости. В архитектурном аспекте водораздел между терминами логично провести через реконструкцию оборонительной системы детинца московским правительством в последней четверти XV столетия.

Предложенная в работе периодизационная схема историографии Новгородского кремля основана на принципах, сформулированных в свое время А. С. Хорошевым.⁶ Из выделенных им семи обязательных компонентов историографической периодизации в отношении историографии кремля оправдано применение следующих факторов: учет традиций предшествующего развития исторической науки; изучение проблематики; состояние источниковой базы применительно к каж-

² Филли Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Учен. зап. ЛГТИИ. Л., 1949. Т. 80. С. 242; Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения... С. 7.

³ См., напр.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 508; Жарбот Ж. Ж. Детинец // Русская речь. 1977. № 1. С. 80—85.

⁴ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1881. Т. 1, 2-я пол. С. 266—267.

⁵ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. М., 1965. № 52. С. 117.

⁶ Хорошев А. С. Периодизация новгородской историографии XVIII—начала XX в. // Русский город. М., 1984. Вып. 7.

дому периоду историографии; развитие методологических принципов; общественный интерес. В качестве дополнительного и существенного компонента периодизации можно предложить учет состояния кремля как памятника архитектуры, что тесно связано с последним из вышеперечисленных факторов. Представленная ниже схема периодизации не претендует на исключительную полноту охвата всего спектра историографических традиций и по замыслу автора должна фиксировать лишь основные этапы и динамику развития источниковедения и методологии изучения Новгородского кремля.

Как уже отмечалось в литературе по историографии Новгорода, к середине XIX столетия в трудах по новгородской истории обозначился переход от фактологического изложения источников к их аналитической интерпретации.⁷ К этому времени накопилось значительное число работ исторического характера, авторы которых на основе знакомства с письменными источниками, в основном летописями, сформулировали ряд выводов по истории детинца-кремля. Еще в 1808 г. Е. Болховитинов отнес строительство первого каменного города на Софийской стороне ко времени Ярослава I, а сообщение Софийской первой летописи под 1116 г. «заложи князь Мстислав Владимирович великий Новград более первого» истолковал как расширение пределов «первоначального замка».⁸ По мнению Болховитинова, детинец не был княжеской резиденцией и назывался так потому, что «во время нашествий туда сводили детей для сохранения». Упоминает он и основные этапы перестроек укреплений детинца, отраженные на страницах летописей, в 1302, 1331, 1400 и 1490 г. Вслед за летописцем Болховитинов локализовал местонахождение деревянной Софии 989 г. — «над Волховом, за нынешними Присутственными местами, на Епископле улице».⁹ Подобного рода наблюдениями изобилуют труды новгородских историков и краеведов первой половины XIX в.¹⁰

Опубликованное в 1853 г. подробное исследование топографии древнего Новгорода И. Красова основывалось не только на летописном материале, но и на сведениях Нарядной описи 1623 г. и Росписи церковей 1615 г. Указывая на 1044 г. как на дату строительства первого детинца, Красов подверг сомнению наличие в нем каменных стен, ссылаясь на быстроту строительства («начали строить и кончили в один год»)¹¹ Также деревянными считал он и стены детинца 1116 г. Интерес представляют выводы исследователя о количестве ворот и церковей в кремле, о местоположении Пискупли улицы.¹² Свое определение дал Красов и топониму «околоток»: «пространство,

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 11—13.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ См., например: Муравьев Н. Н. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828; Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846.

¹¹ Красов И. О местоположении Древнего Новгорода. Новгород, 1853. С. 7.

¹² Там же. С. 12, 20.

обнесенное стеной, исключая архиерейский двор».¹³ Оценивая значение магистерской диссертации Красова для последующего изучения кремля, следует признать ее качественное отличие от работ предшественников. Несомненное присутствие элементов научного исследования свидетельствует о начале действительно аналитического подхода к изучению источников, и именно с этой публикации, на наш взгляд, открывается первый этап историографии научного изучения Новгородского кремля.

К середине прошлого столетия оформилось еще одно перспективное направление в изучении кремля, связанное с историей военно-инженерного дела в России.¹⁴ Наиболее основательно анализу новгородские фортификационные сооружения подверглись в трудах Ф. Ласковского, который привлек к своим исследованиям архивные планы и чертежи Новгородской крепости XVIII—XIX вв. и считал возможным существование городских укреплений до 1044 г., состоявших, по его мнению, из «земляного вала, окружавшего городские строения, и из деревянного рубленого детинца».¹⁵ О строительстве каменных стен детинца в 1044 г. он высказывается осторожно, указывая на тот факт, что о каменном строительстве сообщает лишь III Новгородская летопись.¹⁶ Расширение 1116 г., по Ласковскому, относилось к границам «наружной ограды», т. е. к Окольному городу, что входило в противоречие с уже высказанными ранее точками зрения. Им же было высказано оригинальное предположение о происхождении названия «детинец» от слова «деть» в значении «поместить», означавшего между прочим, и обеспеченное убежище для детей.¹⁷ «Кремли образовались из прежних детинцев и, следовательно, выполняли одинаковое с ними назначение», — писал Ласковский.

Таким образом, уже на ранней стадии изучения истории детинца-кремля определился ряд дискуссионных моментов, который благополучно просуществовал еще столетие. Это в первую очередь вопрос о существовании городских укреплений до 1044 г., оценка характера строительства 1044 г. (каменные или деревянные стены), связь летописного сообщения 1116 г. с расширением территории детинца. Аргументация исследователей ограничивалась возможностями интерпретации летописной терминологии («заложи», «сруби» и др.). Все авторы сходились в признании коренной реконструкции детинца при Иване III, хотя и употребляли различную датировку этого события. Последующие несколько десятилетий не внесли заметного оживления в дискуссию о ранней истории детинца. Вторая половина XIX в. проходила под знаком пристального внимания к экономическим сторонам истории Новгорода. Между тем неуклонно продолжалось пополнение источниковой базы: актового материала, писцовых книг, записок путешественников XVII—XVIII вв. о Новгороде,

¹³ Красов И. О местоположении... С. 19.

¹⁴ См. например: Лутковский. Исторический обзор построения крепостей и укреплений с древних времен до 1800 года // Инженерные записки. СПб., 1841. Ч. 24. № 6; Савельев. Материалы к истории инженерного дела в России. СПб., 1853.

¹⁵ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. Т. 1. С. 51.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ласковский Ф. Материалы... С. 12.

гравюрных и иконописных изображений кремля. Новый всплеск интереса к истории кремля пришелся на рубеж XIX—XX столетий.

В 1898 г. вышла в свет книга новгородского краеведа В. С. Передольского, представившая новые материалы по истории кремля. Автор обратился к сохранившимся иконографическим изображениям Новгорода, центральное место на которых занимал кремль. Из наблюдений Передольского выделим следующие: каменный детинец 1044 г., расширение в 1116 г. «Кромного», т. е. Окольного города, строительство в 1484—1490 гг. нового детинца «по старой основе».¹⁸ Детинец для В. С. Передольского — княжеская резиденция и Владычный двор. Рассматривая изображение кремля на Михайловской иконе, он пришел к выводу о делении кремлевской территории на две части: Княжескую и Владычную. Каждая из этих частей, по его мнению, делилась на два участка, или «околодка»; Борисоглебский при князе, Владимирский — при Владыке.¹⁹ Столь необычные суждения можно отнести к разряду курьезов, поскольку Передольский ошибочно датировал Михайловскую икону XV в.

Последняя четверть прошлого столетия ознаменовалась первыми попытками проникновения в тайны культурных напластований кремля. Пионерами в столь важном деле стали Н. Г. Богословский и В. С. Передольский.²⁰ Исследовав шурфами небольшие участки южной части кремля, оба исследователя пришли к выводу о значительной мощности и хорошей сохранности культурных отложений. Заслуга Передольского состоит и в том, что он первым определил роль археологов при ведении любых земляных работ в кремле: наблюдение и фиксация. Ему же принадлежат и первые описания земляных вскрытий, в частности на месте строительства памятника «Тысячелетие России».²¹ Созданное Передольским в 1894 г. Новгородское общество любителей древности (НОЛД) внесло исключительно важный вклад в дело изучения и сохранения кремля. Одним из направлений деятельности НОЛД стало наблюдение за состоянием памятников новгородской старины, в том числе и кремля. В сборниках Общества были опубликованы материалы осмотра стен и башен — первых в своем роде наблюдений, подробно описывающих состояние кладки, наличие трещин, места произведенных вычинок и ремонтов.²²

По инициативе НОЛД в 1910 г. в южной части кремля были произведены археологические раскопки, приуроченные к проведению в Новгороде XV Всероссийского археологического съезда. Руководство работами взяли на себя Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко,

¹⁸ Передольский В. С. Новгородские древности. Новгород, 1898. С. 25, 28, 420.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Этим исследованиям посвящена недавно вышедшая статья: Жервэ Н. Н. Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX века // РА. 1992. № 6.

²¹ «Когда копали ров под основание памятника... наткнулись на значительной глубине на угол здания, рубленного из дуба, почерневшего и отвердевшего настолько, что мешавшую основанию памятника часть пришлось отбивать ломами» (Передольский В. С. Краткий очерк состояния Велико-Новгородской старины в 1889 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1910. Вып. 3.

²² Акт осмотра стен Новгородского детинца // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 4.

представители Допетровского музея искусства и быта. Им пришлось отказаться от выбранного ранее участка у церкви Андрея Стратилата и заложить траншеи в другом месте: у Княжьей башни и напротив башни Кокуй. Первая траншея вскрыла остатки кирпичной постройки Воеводского двора, а вторая позволила изучить культурный слой до глубины 4,4 м.²³ Раскопкам в Новгородском кремле Н. К. Рерих посвятил два своих очерка, которые, конечно, не в состоянии заменить отчетную документацию.²⁴ Описывая траншею у башни Кокуй, он упоминает семь городских напластований, деревянный настил, остовы сгоревших построек. Нижние слои в этой траншее Н. К. Рерих датировал IX—X вв. Соавтор раскопок, Н. Е. Макаренко, выступивший в марте 1911 г. на заседании Русского археологического общества с докладом о раскопках, указывал на бедность и незначительность находок.²⁵ Итог раскопок Н. К. Рерих сформулировал так: «Главная предчувствованная нами задача разрешена. Жилые слои Новгорода оказались неперекопанными».²⁶ Другим итогом раскопок стало письмо НОЛД в Императорскую археологическую комиссию, которое содержало просьбу запретить на территории кремля строительство новых зданий и организовать систематические раскопки. «Детинец никогда не подвергался систематическим раскопкам и некоторые случайные раскопки, в нем производившиеся (гг. Богословского и Рериха), несомненно повредили полноте его научного обследования в будущем», — говорилось в письме.²⁷

В раскопках 1910 г. принимало участие Военно-историческое общество, командировавшее Б. К. Рериха (брата художника) для выполнения архитектурных обмеров и фотографирования южной части кремля. Б. К. Рерих проявил большую добросовестность: был выполнен генеральный план участка кремля, сделаны подробные обмеры башен «Живоносной» (Спасской) и Кокуй, а также нескольких прясел стен.²⁸ Кроме вышеописанных раскопок, НОЛД организовало археологическое наблюдение за строительством в 1911 г. Епархиального дома, при устройстве фундамента которого были найдены полтора десятка каменных крестов XIV в.²⁹

Вслед за первыми исследованиями иконографических изображений В. С. Передольским к этому виду источников обращается все большее число ученых. Среди наиболее значительных работ того периода выделяются статьи П. Л. Гусева, небольшое исследование Л. А. Мацулевича об изображении Новгорода на омофоре патриарха

²³ Рерих Н. К. Сочинения. Пг., 1914. С. 207—217.

²⁴ Неоднократно предпринимаемые различными исследователями поиски материалов раскопок 1910 г. до сих пор не дали никаких результатов. Нам удалось найти лишь Открытый лист Н. К. Рериха на 1910 г., который по существовавшему положению сдавался вместе с отчетом (Отдел рукописей Гос. Третьяковской галереи, ф. 44, д. 578). Возможно, что материалы раскопок остались у Н. Е. Макаренко, так как, выступая на заседании ИРАО, он сопровождал доклад «демонстрацией фотографий и чертежей, исполненных им самим при раскопках, а также образцами вещей» (ЗОРСА. 1913. Т. 9. С. 354—356).

²⁵ ОПИ НГМ, ф. 6, оп. 1, д. 141, л. 242—243.

²⁶ Рерих Н. К. Сочинения. С. 213.

²⁷ Архив ИИМК, Дело Императорской архивной комиссии (г. Новгород), 1903, д. 81, л. 27.

²⁸ Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911. С. 52—58.

²⁹ ОПИ НГМ, ф. 6, оп. 1, д. 25, л. 8—9.

Никона.³⁰ В 1903 г. издается альбом Мейерберга, содержащий виды Новгорода XVII в.³¹ Приехавший на XV Археологический съезд шведский профессор Т. Арне привез в дар новгородцам три плана Новгорода «с описанием осады и взятия его штурмом 16 июля 1611 года», хранившиеся в Стокгольмском королевском архиве.³² Несмотря на сравнительно поздний характер перечисленных изображений кремля, в основе своей не старше начала XVII в., авторы публикаций правильно оценили их роль для ретроспективного анализа истории различных построек на территории детинца-кремля. П. Л. Гусев в статье, посвященной изображению детинца на иконе Михайловской церкви, привлек для сравнения материалы летописей, писцовых книг, миниатюры из жития св. Зосимы и Савватия Соловецких, рисунки Мейерберга и Витсена. Выводы Гусева в отношении основных этапов строительства стен и башен детинца достаточно традиционны: признавая возможность существования каменных стен уже в XII в., он считал, что от них вряд ли что сохранилось.³³ «Остовом» стен и башен современного кремля, по его мнению, являются сооружения 1302 г. со всеми их последующими возобновлениями и перестройками, в том числе и при Иване III. Все башни детинца Гусев разделил на три периода, отнеся к древнейшим (XII—XIII вв.) Спасскую и Никольскую (Владимирскую).³⁴

Таким образом, если история кремля, запечатленная на нескольких изображениях и в актовых материалах XVII—XVIII вв., еще поддавалась изучению, то детинец XI—XV вв. оставался тайной за семью печатями вследствие крайней скудости источников. Изменить сложившееся положение можно было лишь с помощью археологических и архитектурных натурных исследований. Такая возможность предоставилась в 1914 г., когда академик П. П. Покрышкин ходатайствовал о проведении ремонтных работ.³⁵ Однако начавшаяся Первая мировая война не позволила реализовать этот проект.

С переходом исторической науки в СССР на марксистские позиции резко изменилась трактовка социальных функций детинца, который стал рассматриваться как «крепость в борьбе против восставших», оплот новгородского боярства.³⁶ Отражением бытовавших в 1920-е—1930-е годы взглядов на историю кремля стала брошюра Н. Г. Порфиридова, содержащая уже знакомую версию: «в 1044 году князь Ярослав на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный город. В XII веке площадь кремля, вероятно

³⁰ Гусев П. Л. 1) Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Вестник археологии и истории. СПб., 1900. Вып. 13; 2) Новгородский детинец на иконе Михайловской церкви // Там же. СПб., 1913. Вып. 22; Мачулевич Л. А. Храмы детинца на неизданном плане Новгорода XVII века // Сб. НОЛД. Новгород, 1910. Вып. 3.

³¹ Альбом Мейерберга. М., 1903.

³² Арне Т. Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью (1611—1617 гг.) // Труды XV Всероссийского съезда в Новгороде. 1911 г. М., 1914. Т. 1.

³³ Гусев П. Л. Новгородский детинец... С. 7.

³⁴ Там же. С. 40.

³⁵ Архив ИИМК, дело Императорской архивной комиссии (г. Новгород), 1903, д. 81, л. 48—50.

³⁶ Строков А. А. Кремлевский комплекс памятников Древнего Новгорода. Л., 1937. С. 5; Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 году // НИС. Новгород, 1939. Вып. 5. С. 3.

расширяется». ³⁷ Обе постройки (1044 и 1116 гг.) Порфиридов считал каменными, допуская при этом, что первому каменному детинцу предшествовало «деревянное ограждение центрального городского холма в виде бревенчатого тына». ³⁸ Все работы XIV—XV вв. он рассматривал как ремонты стен, а кирпичную облицовку связывал с укреплением Новгорода Петром I после поражения под Нарвой. ³⁹

Наиболее плодотворно в довоенное время работал над изучением крепостного зодчества северо-западной Руси В. А. Богусевич. Его точка зрения на многие вопросы отличается осторожностью суждений и отсутствием категоричности оценок. По мнению Богусевича, нет никаких оснований считать, что стены кремля, за исключением башен, были каменными до XV в., поскольку летописи регулярно сообщают о пожарах в детинце. ⁴⁰ Строительство первых каменных стен он датирует 1302 г., причем они составляли лишь $\frac{2}{3}$ всей линии стен детинца, на наиболее слабой напольной стороне. В 1331—1334 гг. были выстроены и стены вдоль Волхова. ⁴¹ В статьях Богусевича звучит изрядная доля скептицизма в отношении перспектив изучения ранней истории детинца: «Можно считать, что попытки восстановить облик стен и башен Новгородского Кремля для XII и XIV столетий обречены на полную неудачу, так как дошедшие до нас каменные стены и башни его не имеют ничего общего со стенами и башнями XIV века». ⁴² Следует также отметить признание В. А. Богусевичем реконструкции, предпринятой Иваном III, как полной перестройки кремля в соответствии с требованиями военной техники конца XV столетия. Он отверг возможность отнесения Митропольчей и Федоровской круглых башен к XIV в. на основании сохранившихся в их нижних частях каменных конструкций. Все обветшавшие стены и башни XIV в., по его мнению, были сначала утолщены при помощи плитняковой кладки, а затем облицованы кирпичом к 1500 г. При формулировании своих выводов исследователь опирался не только на материалы письменных и изобразительных источников, но и на собственные наблюдения за процессом ремонтных работ на стенах кремля, организованных в середине 30-х годов Новгородским музеем.

В 1938 г. начинаются раскопки Новгородского музея и секции Института истории Академии наук СССР в южной части кремля. Проведенные А. А. Строковым и В. А. Богусевичем в 1938—1940 гг. исследования до сих пор являются наиболее значительными по площади раскопками на территории кремля. Овладевшая умами историков идея поиска древнерусского поселения, предшественника Новгорода, побудила новгородских археологов заложить раскоп в районе Спасской башни, с внутренней стороны кремля (площадь раскопа 1938 г. составляла 102 кв. м). Придерживаясь мнения о локализации в этом месте Пискупльи улицы, Строков и Богусевич

³⁷ Порфиридов Н. Г. Новгородский кремль. Новгород, 1929. С. 5.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ Богусевич В. А. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладогы, Порхова, Копорья. Новгород, 1940. С. 4.

⁴¹ Богусевич В. А. Порховская крепость // НИС. Л., 1936. Вып. 1. С. 20.

⁴² Там же. С. 21.

рассчитывали обнаружить ее остатки. Действительно, на глубине около 1,9 м открылся настил мостовой, как оказалось впоследствии, состоящий из 15 ярусов. Не замедлив идентифицировать найденную улицу с летописной Пискуплей, исследователи датировали ее нижние слои X в. Главным аргументом в пользу такой датировки послужил тот факт, что нижний ярус лежал на материковой глине. Настил этот примечателен, так как в отличие от вышележащих ярусов состоял из круглых бревен, уложенных в три ряда и не имевших в основании лаг.⁴³

Основой для датировки всей стратиграфии раскопа послужил уровень от —3,10 до —3,25 м, в котором сохранился строительный мусор (обломки серого и красного известняка, известь, песок, обломки и целые кирпичи), отнесенный авторами раскопок к концу XV в., ко времени строительства кремля московским правительством.⁴⁴ Однако представленная в публикации материалов раскопок стратиграфическая шкала вызывает целый ряд сомнений и вопросов. Во-первых, в установленной хронологической последовательности напластований слои с X по XV в. имеют общую толщину всего 1,75 м. С уровня современных знаний о мощности культурных слоев этого периода и с учетом мнения о древности заселения кремлевской территории такая малая толщина бытовых отложений (в среднем по 0,35 м на столетие) кажется невероятной. Во-вторых, спорной представляется и датировка слоев по находкам, единичным и крайне невыразительным.⁴⁵ Поскольку перемешанность слоев исследователи отрицают, создается ощущение, что представленная хронологическая шкала смещена либо из нее «выпал» целый ряд слоев, что вполне вероятно, учитывая, сколь масштабные планировочные и строительные работы проводились на этом участке территории кремля в ходе сооружения земляных насыпей и каменных стен.

Заслуживает внимания характеристика, данная А. А. Строковым застройке и хозяйственной деятельности населения южной части кремля. Согласно его точке зрения, в древнейшее время на этом месте находился торг, что подтверждается рядом находок (купеческий кошелек, свинцовый «безмен», срубы «лавочного типа»). В подтверждение своей идеи Строков приводит упоминание Писцовой книги XVI в. о лавках в кремле.⁴⁶

В 1939 г. площадь раскопа была увеличена до 352 кв. м. Исследователями была сформулирована прежняя задача — поиск древнейшего новгородского поселения. Отчет об этих работах более краток. А. А. Строков пишет о разновременном строительном комплексе, состоящем из 9 слоев. Мастерских, подобных вскрытым в раскопе 1938 г., обнаружено не было, из чего автор раскопок делает вывод о связи древнейшего населения этой части Новгорода с сельским хозяйством.⁴⁷ Наиболее ценные сведения были получены по топогра-

⁴³ Богусевич В. А. Отчет о раскопках в южной части Новгородского кремля в 1938 году (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, № 24, с. 5—6).

⁴⁴ Там же. С. 11—12.

⁴⁵ Там же. С. 14—16.

⁴⁶ Строков А. А. Отчет о раскопках в южной части кремля в 1938—1939 гг. (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1938, № 130, с. 4).

⁴⁷ Там же.

фии южной части кремля благодаря вскрытым остаткам разновременных мостовых.⁴⁸

Раскоп 1940 г. был заложен у церкви Андрея Стратилата, где предполагалось обнаружить остатки деревянной Софии 989 г. Несмотря на значительную площадь раскопа (1100 кв. м), ни остатков Софии, ни мостовых Пискупли улицы найдено не было, что еще больше усложнило выяснение древней топографии детинца. В процессе работ удалось расчистить остатки фундаментов Борисоглебского собора и вскрыть часть погребений, окружавших его.⁴⁹ Авторы раскопок не решились комментировать их отрицательный результат. Таким образом, в результате обследования более полутора тысяч квадратных метров территории кремля существенных сдвигов в разрешении многочисленных проблем истории детинца не произошло. Причина столь незначительных результатов работ 1938—1940 гг. очевидна: археологические исследования должны проводиться не просто с целью подтверждения той или иной идеи, летописного сообщения; получаемый в процессе раскопок материал сам по себе заслуживает серьезного изучения. Сопоставление же этих выводов и является способом достижения объективного знания, в данном случае о детинце. Исходя из этого, работами 1938—1940 гг. следует завершить первый период историографии Новгородского кремля, характерными чертами которого являются доминирование письменных источников, сугубо историческая проблематика исследований, проведение первых археологических изысканий с целью выяснения мощности, сохранности и состава культурных напластований кремля и проверки сложившихся в этот период представлений о топографии детинца.

Оценивая значение первого этапа изучения кремля, надо отметить, что именно тогда были заложены основные направления его последующего изучения. Оформилось несколько областей исследовательского поиска, в полном соответствии с многообразием функций детинца-кремля в истории Новгорода. Появились специальные исследования по военно-инженерным вопросам, проблемам топографии, социальной принадлежности населения кремлевской территории. Начавшийся процесс интеграции этих аспектов истории кремля проявился уже в конце 1930-х годов в работах В. А. Богусевича.

В довоенный период проблемы архитектурной реставрации кремля были отделены от общего процесса развития научного исследования, что лишало историков возможности привлечения материалов архитектурного обследования в качестве самостоятельного вида источников. Ситуация коренным образом изменилась с началом ремонтно-восстановительных работ в кремле. Сразу же после освобождения Новгорода от оккупационных войск, в декабре 1944 г., постановлением СНК СССР была создана Новгородская специализированная проектно-реставрационная мастерская, приступившая к

⁴⁸ Там же. С. 3—4.

⁴⁹ Строчков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 году // КСИИМК. 1945. № 11. С. 63—65.

восстановительным работам в кремле уже в мае 1945 г. Впервые на территории Новгородского кремля начались архитектурно-реставрационные работы крупного масштаба, и благодаря этому изучение истории детинца-кремля вступило в новую стадию своего развития.

Приступая к ремонтным работам на стенах и башнях кремля, архитектор НСНРПМ А. Л. Ротач констатировал, что «до настоящего времени, по странному недоразумению, Новгородский кремль остался незамеченным и для его изучения не существует обмерных чертежей». ⁵⁰ Поэтому первым этапом реставрации стало составление ведомости состояния стен и частичного обмера прясел и башен, подлежащих неотложному ремонту. Эта часть работы была проведена в течение 1945—1946 гг. ⁵¹ Определяя стратегию реставрационных мероприятий, А. Л. Ротач писал: «Основными принципами, применяемыми в работах, являлись сохранение памятника по возможности в том виде, как он дошел до нас, ремонт и восстановление конструктивно необходимых частей». ⁵²

В 1945 г. в кремле проводила археологические раскопки экспедиция Ленинградского университета под руководством профессора М. К. Каргера. Были заложены шурфы у церкви Входа в Иерусалим и в проезде Владимирской башни, где удалось вскрыть остатки церкви Св. Владимира. ⁵³ В том же году начались архитектурно-археологические работы в Софийском соборе, которые осуществлял Институт истории и теории архитектуры АН СССР. Археологические раскопки по программе исследований проводил А. Л. Монгайт, исследования которого вскрыли погребения в Мартирьевской паперти. ⁵⁴ Кроме шурфов у стен собора, им была заложена траншея в 20 м к югу от собора, где под поздними слоями были обнаружены руинированные остатки каменной постройки XVI—XVII вв. По данным этого раскопа А. Л. Монгайт сделал вывод, что культурные слои на Софийской площади нарушены поздними постройками и кладбищем и что «здесь вряд ли удастся встретить древний слой». ⁵⁵ Одновременно с работами в Софийском соборе А. Л. Монгайт принимал участие в раскопках на валу Окольного города и исследованиях расчищенного в 1946—1947 гг. участка кремлевской стены между Митрополичьей и Федоровской башнями, где были обнаружены следы первоначальных зубцов и бойниц, выявился целый ряд различных камер, назначение которых осталось для реставраторов непонятным. Результатом всех этих исследований явился основательный труд А. Л. Монгайта, подводивший итоги работы экспедиции ИИМК и посвященный оборонительным сооружениям Новгорода. Несмотря на краткость и поверхностность в изложении большинства вопросов истории кремля, эта публикация и на сегодняшний день остается наиболее объемным исследованием укреп-

⁵⁰ Ротач А. Л. Отчет к ремонтно-реставрационным работам, произведенным в 1945 и 1946 годах по Новгородскому кремлю (Архив НФИ «СПр», Ш. 0013, P-9, с. 2).

⁵¹ Там же. С. 2—3.

⁵² Там же. С. 1.

⁵³ Каргер М. К. Дневник археологических раскопок в Новгороде (Архив НФИ «СПр», Ш. 0001, 0023, 0052, 1945, № P-1).

⁵⁴ Монгайт А. Л. Отчет об археологических раскопках в Софийском соборе в Новгороде в 1946—1948 гг. (Архив НФИ «СПр», Ш. P-25, с. 1—23).

⁵⁵ Там же. С. 32.

лений кремля, основанным на археологических, архитектурных, письменных и изобразительных источниках.⁵⁶ Рассмотрим кратко основные положения его концепции истории детинца-кремля.

В 1044 г. строится первый каменный детинец. Такое строительство, по мнению А. Л. Монгайт, «не являлось сложной технической задачей».⁵⁷ Главный аргумент, используемый автором для подтверждения этой мысли, — употребленный летописцем термин «заложил». Никаких следов постройки XI в. не сохранилось. Монгайт сообщает о раскопках 1941 г., обнаруживших глиняный вал в северной части кремля у Никитского корпуса, и выражает сожаление, так как «теперь не представляется возможным судить о том, к какому времени относится вал: был ли он предшественником или современником каменных стен XI в.».⁵⁸ Из приведенной цитаты следует, что автор допускал возможность строительства детинца 1044 г. на более древнем валу. События 1116 г. он оценивает однозначно, как расширение и перестройку детинца, хотя по данным собственных раскопок на валу Окольного города Монгайт сделал вывод о существовании уже в XII в. внешней линии укреплений Новгорода. Поэтому, очевидно, известие 1302 г. «заложил град камен Новгороду»⁵⁹ он отнес к строительству Окольного города. Возобновление же каменных стен детинца произошло в 1331 г., когда владыка Василий «...заложил ... город камен от святого Володимера до святой Богородицы, а от Богородицы до Бориса и Глеба».⁶⁰ В 1400 г. реконструкцию детинца продолжает другой новгородский архиепископ: «...заложил владыка Иоанн детинец город камен от Бориса и Глеба».⁶¹ Доказывая, что это была перестройка, а не первое каменное сооружение, исследователь апеллирует к употребленному в Новгородской третьей летописи слову «изнова».⁶² Окончание строительства кремля в его современных размерах А. Л. Монгайт относил к концу XV в. В своей характеристике произведенной в то время реконструкции оборонительной системы детинца он высказывает предположение, которое впоследствии на десятилетия определило развитие историографии изучения его ранней истории: «Строители, вероятно, были связаны лишь древним планом крепости, так как стремились сохранить и использовать уже имеющуюся на отдельных участках кладку, а также сохранить направление насыпей и рвов».⁶³ Заслугой А. Л. Монгайт является и заключение о технике каменного строительства конца XV в. Он отверг существовавшее мнение о позднем характере кирпичной облицовки и определил тип кладки кремлевских стен как смешанный — из плитнякового камня и кирпича, что отличало Новгородский кремль от других крепостей, построенных московским правительством в это же время на Северо-Западе Руси.⁶⁴ Осознавая явную недостаточность предложенной концепции,

⁵⁶ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения...

⁵⁷ Там же. С. 8.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ НПЛ. С. 331.

⁶⁰ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения...

⁶¹ НПЛ. С. 396.

⁶² Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения...

⁶³ Там же. С. 58.

⁶⁴ Там же.

А. Л. Монгайт писал в заключение статьи: «Архитектурно-археологический анализ кремля в целом затруднен тем, что мы не имеем исчерпывающих данных о памятнике. Обмеры кремля неполные. Нет обмеров круглых башен, Княжьей башни, многих прясел стен. Что еще важнее — это отсутствие общего сводного плана кремля, его точной топографической съемки. Нет данных о характере кладки и перестройках отдельных частей кремля».⁶⁵

Намеченная в этих предложениях программа исследования кремля была частично реализована в ходе крупномасштабных реставрационных работ, начатых в 1952 г. и продолжавшихся около двадцати лет.

В августе 1952 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению Новгородского кремля», в котором Новгородский облисполком и Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР обязывались обеспечить в 1953—1954 гг. работы по восстановлению и реставрации 8 башен и 625 погонных метров стен кремля необходимой научно-технической документацией. Разработка проектной документации была поручена Центральным проектно-реставрационным мастерским (ЦПРМ), а главным архитектором проекта был назначен А. В. Воробьев. Специально созданная комиссия установила, что работы послевоенных лет носили по существу характер ремонтов, а не реставрации.⁶⁶ В связи с этим комиссией было принято решение о нецелесообразности случайной и фрагментарной работы над отдельными частями кремля и о необходимости глубокого и широкого изучения всего комплекса в целом.⁶⁷

Специалисты ЦПРМ приступили к детальному изучению исторических и архитектурных памятников кремля по двум направлениям: сбор и обобщение имевшихся в архивах материалов по истории кремля и натурное архитектурно-археологическое изучение кремлевского комплекса. Летом 1953 г. А. В. Воробьев заложил 43 шурфа по периметру стен кремля с целью изучения фундаментов и конструкций нижних частей стен. По материалам этих шурфов и на основании обнаруженных в архивах Москвы и Ленинграда документов был составлен проект реставрации кремля, в программной части которого декларировалась идея восстановления облика стен и башен в максимальном приближении к их первоначальному виду в конце XV в. Проект и пояснительная записка к нему содержат чрезвычайно важные наблюдения А. В. Воробьева по истории строительства кремля. В частности, на основании проведенных исследований он сделал вывод, что современные стены и башни кремля целиком являются постройкой конца XV столетия (исключение составляют башни Кокуй и Покровская) и не включают в себя никаких элементов XII—XIV вв.⁶⁸ Но еще более существенное открытие было сде-

⁶⁵ Там же. С. 92.

⁶⁶ Пояснительная записка к рабочим чертежам реставрации двух прясел: 1. Между башнями Княжьей и Кокуй. 2. Между Кокуй и Покровской (Архив ЦНРГМ, инв. № 2/50, с. 1).

⁶⁷ Там же. С. 2.

⁶⁸ Пояснительная записка к проектному заданию на планировку и благоустройство территории кремля с охранной зоной вокруг него и восстановлению и реставрации стен и башен (Архив ЦНРГМ, инв. № 2/376, с. 166).

лано в ходе шурфовки у стен кремля. Выяснилось, что стены стоят на насыпном валу, о существовании которого исследователи ранее не подозревали. Столкнувшись с проблемой определения места обнаруженных валов в истории детинца-кремля, А. В. Воробьев развил уже приведенную выше точку зрения А. Л. Монгайта о том, что строители конца XV в. сохранили «направление насыпей и рвов». Исходной позицией для подобного вывода, очевидно, послужило сообщение Софийской I летописи о строительстве каменного детинца в 1484 г. «по старой основе». ⁶⁹ Поэтому Воробьев сделал следующее заключение: «Кремль в XV веке был построен на оставшемся от более древних кремлей валу». ⁷⁰ Так в историографии Новгородского кремля возник вопрос о земляных валах, еще до начала каких-либо исследований получивших определение «более древних», нежели стены конца XV в.

Представленный А. В. Воробьевым проект, основанный на достоверных исторических сведениях, подкрепленных натурными исследованиями, получил одобрительные заключения различных рецензентов. С 1955 г. началась реализация проекта, предусматривавшего следующие основные виды работ: планировку, благоустройство и инженерное оборудование территории кремля; восстановление и реставрацию стен и башен; ремонт и реставрацию памятников архитектуры, входящих в комплекс кремля. С целью принятия решения о проведении работ по планировке территории кремля с 1956 г. начались археологические раскопки под руководством археолога ЦПРМ М. Х. Алешковского. В Программном задании на производство археологических разведок оговаривалось, что эти работы не ставят целью выявление исторической топографии кремля с XI по XVII в., на что потребовалось бы несколько лет, громадные средства и привлечение виднейших археологов. Тем не менее благодаря тщательно продуманному плану работ, их научной обоснованности и достаточной материальной обеспеченности исследования 1956—1960 гг. явились самыми значительными и наиболее результативными за всю историю изучения Новгородского кремля. Методика работы М. Х. Алешковского существенным образом отличалась от всех предыдущих исследований. Подробное послойное описание вскрываемых площадей, глубокий анализ стратиграфии, привлечение всех известных видов источников, удачные попытки реконструирования вскрытых внутривальных конструкций — эти и другие положительные моменты в работах археолога делают материалы его исследований исключительно ценным источником при изучении практически всего спектра проблем истории детинца-кремля. ⁷¹

На протяжении пяти полевых сезонов М. Х. Алешковским были изучены фундаменты Софийского собора, остатки надвратных церквей у Владимирской и Спасской башен, руины Борисоглебской башни и комплекс разрушенных построек между Митрополичьей и Федоровской башнями. Значительным открытием, подтвердившим сведения обнаруженных А. В. Воробьевым архивных материалов XVII в., ⁷²

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 36.

⁷⁰ Пояснительная записка... С. 9—10.

⁷¹ В настоящей статье мы воздерживаемся от подробного описания исследований М. Х. Алешковского в 1956—1960 гг., рассчитывая в ближайшее время посвятить им отдельную работу.

⁷² Воробьев А. В., Алешковский М. Х. Воеводский двор XVII в. Новгород, 1959.

стали раскопки остатков построек Воеводского двора, существовавшего в южной части кремля в XVII—XVIII вв. и неоднократно запечатленного на иконах и планах с видами кремля. М. Х. Алешковским было положено начало работам по изучению кремлевских валов, конструкцию которых он наблюдал более чем в десяти шурфах и раскопах по всему периметру стен. По итогам раскопок он опубликовал статью, в которой представил выводы собственных исследований по истории детинца в XI—XV вв. В оценке историографии детинца М. Х. Алешковский выделил две проблемы, по которым велись споры: была ли крепость 1044 г. деревянной или каменной, и в какой части современного кремля располагался первоначальный детинец.⁷³ В связи с первой проблемой он подверг анализу значение термина «заложи», вокруг которого велись жаркие споры еще в прошлом столетии, и пришел к выводу, что «заложить» означало собственно начало большого строительства, и вообще «только на основании употребления или неупотребления того или иного термина без добавления эпитетов „деревяна“, „каменна“, без проверки первоначальной записи последующими сведениями о строительствах и перестройках ни в коем случае нельзя делать вывода о том, каменное или деревянное строительство подразумевается летописью».⁷⁴ Следует отдать должное М. Х. Алешковскому: он положил конец длительной бесплодной дискуссии.

Так же основательно М. Х. Алешковский рассмотрел употребление в русском летописании термина «город» и сделал вывод, что городом всегда называется детинец, тем самым опровергнув мнение А. Л. Монгайта и признав несостоятельность попытки отнести записи 1262 и 1302 гг. к Окольному городу.⁷⁵ Представленная им картина истории детинца в целом выглядела следующим образом.

1. Выстроенный в 1044 г. детинец находился в северной части современного кремля и охватывал территорию вокруг строительства Софийского собора 1045—1050 гг.

2. В 1116 г. произошло фактическое объединение южной, владычной, и северной, княжеской, частей кремлевского холма. При этом расширении в состав территории детинца были включены выходы к Волхову всех главных улиц Софийской стороны, что и определило впоследствии планировку южной части кремля и местоположение проездных башен.

3. С конца XIII в. и на протяжении XIV в. в детинце сооружались надвратные церкви и каменные проездные башни у них. В 1331—1334 гг. со стороны Волхова была выстроена каменная стена между Владимирской и Борисоглебской башнями, что явилось очередным этапом превращения детинца из деревянной в каменную крепость.

4. В 1400 г. были построены в камне Дворцовая, Княжая, Златоустовская башни, раскат на месте Кокуя, а также прясла между ними. В период до 1430-х годов каменное строительство разрывалось постепенно, охватывая участки стен на юг от Борисоглебской башни к Спасской, Воскресенской и Владимирской.

⁷³ Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг. // Архитектурное наследство. 1962. Вып. 14. С. 4.

⁷⁴ Там же. С. 4—5.

⁷⁵ Там же. С. 5—6.

5. При реконструкции детинца в конце XV в. от начала XV в. уцелели и были использованы в качестве «старой основы» фундаменты и нижние ряды кладки некоторых башен (Дворцовой, Княжой, Златоустовской, Владимирской и др.) и отдельных прясел стен. Этим и объясняется, почему кремль 1490-х годов, несмотря на отдельные новые московские архитектурные детали (зубцы, бойницы), все же является памятником новгородского зодчества.⁷⁶

Предложенная М. Х. Алешковским схема развития оборонительной системы детинца впервые содержала убедительные аргументы, в особенности это касалось ранней истории городской крепости. Использование полученных при раскопках валов сведений об их субструкциях, свидетельствующих о явных различиях между валами северной и южной частей кремля, позволило исследователю соотнести эти различия с летописной схемой последовательности расширения кремля. Результатом этого и явилось выделение уже указанных выше двух первых периодов истории детинца.

Одновременно с раскопками М. Х. Алешковского изучением археологии кремля занимался новгородский археолог С. Н. Орлов. В ходе наблюдений за земляными работами на территории кремля он обосновал свою позицию ранней истории детинца, диаметрально противоположную мнению М. Х. Алешковского. Для С. Н. Орлова не подлежало сомнению, что именно в южной части кремля имеются следы «какого-то городского центра X века: мощный земляной вал с примитивными конструкциями из дерева и место, где стояла дубовая София, здесь существовал и древнейший торг».⁷⁷ Вслед за А. Л. Монгайтом он признавал и существование Окольного города в XII в. Перестройка же кремлевских стен и башен при Иване III была, по мнению С. Н. Орлова, столь основательной, что «даже при архитектурно-археологическом изучении сейчас трудно обнаружить остатки каменных сооружений кремля XII—XIV вв.»⁷⁸ Таким образом, к началу 1960-х годов четко обозначились два мнения о локализации первоначального детинца. В 1965 г. в статье, посвященной истории и топографии оборонительных сооружений Новгорода, С. Н. Орлов привел новые доказательства в пользу своей идеи об изначальности южного ядра детинца. Используя данные геологических буровых скважин, он отметил отсутствие в них показаний о наличии культурных отложений в основании насыпи южной стороны кремля, а значит, «первоначальный вал был насыпан здесь в самый ранний период существования города».⁷⁹ В то же время раскопками М. Х. Алешковского в северной части кремля под валом были зафиксированы слои X—XI вв.⁸⁰ Дискуссия приобретала все более острый характер и имела несомненный положительный эффект: в поисках необходимых доказательств исследователи обращались ко все новым видам источников: данным геологических бурений, материалам топографической съемки кремля, геологическим иссле-

⁷⁶ Там же. С. 7—12, 15—16, 19, 21, 24, 23.

⁷⁷ Орлов С. Н., Воробьев А. В. Оборонительные укрепления Древнего Новгорода. Новгород, 1959. С. 5.

⁷⁸ Там же. С. 11.

⁷⁹ Орлов С. Н. К топографии и истории оборонительных сооружений Древнего Новгорода // Учен. зап. НГПИ. Новгород, 1965. Т. 1. Вып. 1. С. 6.

⁸⁰ Алешковский М. Х. Новгородский детинец... С. 10—11.

дованиям. Все яснее вырисовывалась проблема сопоставления археологических и летописных датировок, а не простого их наложения.

В 60-70-е годы крупных архитектурно-археологических исследований на территории кремля не производилось. Реставрационные работы в основном были к этому времени закончены, и кремль приобрел современный нам облик. Значительные изменения в процессе работ получили не только архитектурные памятники, но и сама территория, окруженная стенами. Для решения вопросов благоустройства и организации сброса ливневых вод с площади кремля было вывезено огромное количество земли, были засыпаны многие понижения, что существенно искажило сложившуюся за почти тысячелетие топографическую ситуацию. В то же время в ходе планировочных работ А. В. Воробьев сделал ряд важных наблюдений за рельефом территории кремля. В частности, на отрезке стены, подходящей к Владимирской башне со стороны Пречистенских ворот, Воробьев отметил, что вал здесь постепенно сходит на нет, и дал этому факту следующее объяснение: «Крепостная стена здесь как бы расходится с древним валом, больше выступает вперед, по направлению к Волхову, а сам вал, наоборот, в основном проходит за стеной XV века, внутри кремля».⁸¹

В процессе архитектурно-археологических исследований в Никитском корпусе, руководство которыми осуществлял Г. М. Штендер, в 1970 г. была обнаружена стена XV в., включенная гораздо позже, в XVII в., в состав построек всего корпуса. Стена имела толщину около 2 м и являлась частью ограды Владычного двора, представлявшего в XV в. «крепость внутри крепости».⁸² Факт существования стен, отделявших резиденцию архиепископа от остальной территории кремля, свидетельствовал в пользу точки зрения М. Х. Алешковского о древности этой линии границ детинца.⁸³ В поисках еще более убедительных аргументов М. Х. Алешковский заложил в 1971 г. два шурфа у западной и восточной стен Никитского корпуса, рассчитывая обнаружить остатки древнего вала, как будто бы найденного в раскопе 1941 г.⁸⁴ Однако попытка не увенчалась успехом: ни один из шурфов не достиг материка, несмотря на значительную глубину вскрытия (до 6,5 м).⁸⁵ Тем не менее несколько ранее к позиции М. Х. Алешковского присоединился и В. Л. Янин, а опубликованная ими совместно в 1971 г. статья о происхождении Новгорода впервые убедительно представила роль детинца в формировании раннегородской структуры Новгорода. По мнению авторов, «именно детинец и был древнейшим Новгородом», а размеры первоначальной крепости 1045 г. совпадали

⁸¹ Воробьев А. В. Отчет об исследовании и реставрации памятника архитектуры XV века, стен и башен кремля г. Новгорода и работах по благоустройству территории кремля и охранной зоны на 31 XII 1959 г. (Архив ЦНПРМ, инв. № 2/1155, с. 24).

⁸² Штендер Г. М. Крепость в крепости // Новгородская правда. 1970. 13 авг.

⁸³ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода // История СССР. 1970. № 2. С. 38.

⁸⁴ Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М., 1947. С. 24.

⁸⁵ Алешковский М. Х. Отчет о работе Кремлевского отряда Новгородской археологической экспедиции АН СССР в 1971 г. (Архив ИА РАН, Р-1, № 4580, с. 1—3).

с территорией, которую впоследствии занимал в кремле Владычный двор.⁸⁶

И все же начатый М. Х. Алешковским и С. Н. Орловым спор о местоположении древнейшего детинца так и не получил окончательного разрешения в работах этих авторов. Сказались недостаток археологических материалов, несовершенство методики исследований, неразработанность дендрохронологической шкалы для датировки внутривальных дубовых конструкций. Если же взглянуть на причины возникновения дискуссии с историографических позиций, то легко заметить, что она была подготовлена всем предшествовавшим развитием представлений об истории детинца. Возникшее у археологов стремление датировать впервые вскрытую и слабо изученную конструкцию вала летописной датой не может не вызвать критических замечаний, поскольку непосредственный переход к абсолютным датировкам, минуя создание относительной хронологической шкалы, не исключал возможность ошибок в датировках. Столь заметное воздействие традиций приоритета письменных источников позволяет обозначить данный этап изучения истории детинца-кремля продолжающимся превалированием письменного источниковедения над археологическим. Мы продлеваем границы этого этапа до конца 1970-х годов, так как вплоть до 1979 г. крупных архитектурно-археологических исследований на территории кремля не производилось. Следует лишь упомянуть работы В. Л. Янина, затрагивавшие вопросы топографии детинца, в одной из которых он подверг сомнению господствовавшее мнение о локализации Пискупли улицы в районе Спасской башни.⁸⁷ Существовавшая долгое время разногласия в датировке московской перестройки кремля также была устранена вышедшей в 1976 г. статьей В. Л. Янина.⁸⁸ Подробный анализ сообщений новгородских летописей о строительстве с привлечением материалов разрядных книг позволил ему установить, что возведение стен и башен кремля продолжалось с 1484 по 1499 г., что вполне соответствовало грандиозности мероприятия.⁸⁹ Еще более важным моментом для дальнейшего развития научного изучения кремля явилась высказанная В. Л. Яниным мысль о необходимости критического подхода к исключительной роли письменных источников в историческом источниковедении.⁹⁰

Завершая обзор второго периода историографии кремля, нужно отметить, что это был период наиболее масштабного исследования его архитектуры и археологии. Накопленный в ходе реставрационных работ 1950—1960-х годов материал позволил исследователям значительно продвинуться в решении обозначенных ранее проблем. Начатая М. Х. Алешковским и С. Н. Орловым дискуссия о местоположении древнейшего детинца определила важную задачу создания независимой археологической системы датировок крем-

⁸⁶ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. С. 37.

⁸⁷ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1979. С. 102—103, 123—135.

⁸⁸ Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV века // СА. 1978. № 1. С. 259—260.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Янин В. Л. Очерки... С. 19.

левских валов. Продемонстрированные В. Л. Яниным возможности метода комплексного источниковедения открывали перед исследователями новые перспективы.

Третий период историографии кремля открывается раскопками А. Н. Кирпичникова в южной части кремля в 1979 г. Под его руководством экспедиция ЛОИА и НСНРПМ провела исследование прясел между Дворцовой, Спасской и Княжой башнями. Начиная работы, А. Н. Кирпичников ставил перед собой две цели: практическую и научную. С практической точки зрения раскопки должны были помочь установить причины деформационных процессов в стенах. Научный же интерес А. Н. Кирпичников определил следующим образом: «изучить в данном месте кремля характер и структуру находящихся возле крепостных стен культурных напластований».⁹¹ Из пяти заложённых раскопов три были доведены до материка. Изучению подверглись нижний горизонт стены, состоящий из 1—2 рядов валунов, и конструкция вала, исследованная в 1956 и 1959 гг. М. Х. Алешковским. Датировка насыпи вала была произведена А. Н. Кирпичниковым по тому же принципу, который использовал и М. Х. Алешковский, а именно по составу находок из нижнего заполнения вала. Кирпичников выделил из общей стратиграфии насыпи погребенный культурный слой, содержащий находки X—XI вв. «Данный слой отложился здесь до строительства дерево-земляных укреплений Кремля в 1114 году, когда эта территория входила в состав Людина конца», — резюмирует автор исследований.⁹² Так был опровергнут главный аргумент С. Н. Орлова об отсутствии культурных отложений в южной части кремля. В том же году с помощью шупа археологам удалось оттрассировать выявленную еще М. Х. Алешковским линию разрушенной каменной стены, отходящей от Владимирской башни в юго-восточном направлении.⁹³

Летом 1981 г. начались раскопки этой стены с помощью биолокационного метода, позволившего наметить трассу стены на протяжении около 60 м.⁹⁴ Раскрытые участки стены позволили изучить ее фундамент и нижние ряды плитняковой кладки шириной около 3 м. Вслед за М. Х. Алешковским⁹⁵ А. Н. Кирпичников датировал исследованную стену 1331—1334 гг. и, назвав ее эталонной, сделал следующий вывод: «По размерам, материалу и технике она характерна только для своего времени. Стало ясно, что плитняковая кладка нижних частей башен (например, Дворцовой и Княжой) относится не к XIV в., как считали, а к концу XV в.»⁹⁶ Несколько странным представляется факт строительства стены XIV в. у подножия вала

⁹¹ Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в Новгородском кремле (Архив ИА РАН, Р-1, № 7893, с. 1).

⁹² Кирпичников А. Н. Исследования Новгородского кремля // АО. 1979 г. М., 1980. С. 9.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Новгородского кремля в 1981 году (Архив ИА РАН, Р-1, № 2542-90).

⁹⁵ Алешковский М. Х. Новгородский детинец... С. 21.

⁹⁶ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 16.

XI в., хотя А. Н. Кирпичникова это обстоятельство не смутило: «Строители, ставившие кремль в 1484—1499 годах, вновь отнесли береговую стену на прежнее, более высокое и безопасное от оползней место, где пролегал вал 1044 года». ⁹⁷ Один из шурфов 1981 г. вскрыл небольшой участок вала под кремлевской стеной, неподалеку от Владимирской башни. Вскрытый здесь фундамент стены был сложен на известковом растворе и валунах, покоящихся на дубовых сваях длиной около 0,8 м, впущенных в толщу вала. Исследованная глубина вала достигла 5,3 м и включала 6 рядов поперечно лежащих дубовых бревен, составляющих внутреннюю конструкцию насыпи. ⁹⁸ Участвовавший в этих работах Г. М. Штендер составил, впрочем, свое описание шурфа: «Раскопки 1981 г. на среднем участке береговой стены в 21 м к югу от Владимирской башни выявили тип конструкции крепостной стены древнейшего детинца, резко отличающийся от укреплений 1044 г., а также 1116 г. в южной части кремля. Под существующей кромкой вала XV в. на глубине 3—3,5 м оказался глиняный вал округлой формы без каких-либо деревянных конструкций во внутренней части. Снаружи (сверху) впритык без перевязки к нему приложены дубовые бревна-лежни глиняного вала, насыпанного выше и шире. Они были уложены не горизонтально, а разрозненно. Древнейший вал не удалось измерить в деталях, так как из-за поступающих грунтовых вод стенки раскопа обрушились до фиксации нижней части, где он был ясно виден». ⁹⁹ Приведенная цитата Г. М. Штендера вызывает недоумение. Кроме того, что он выделяет третий тип конструкции кремлевских валов, в описании фигурирует и вал XV в., ранее нигде не упоминавшийся. Если он был насыпан прямо на вал X в., то становится непонятным, где проходили валы 1044 и 1116 гг.

Раскопки А. Н. Кирпичникова имели большой научный резонанс. В первой половине 80-х годов было сформулировано несколько теорий ранней истории детинца, основывавшихся на его локализации в северной части кремля. Еще в 1980 г. во вступительной статье к книге М. К. Каргера «Новгород» Г. М. Штендер писал: «Детинец первоначально занимал среднюю часть современного кремля и был огражден водой: с востока Волховом, с юга и северо-запада — раздвоенным руслом его притока. Крепость, по-видимому, была укреплена бревенчатым тыном... В XI столетии территория детинца была расширена в северном направлении в связи с предстоящим строительством в ее центре Софийского собора. Северо-западное русло притока Волхова засыпали в 1044 году... В XII веке территорию детинца увеличили с южной стороны и она обрела современные размеры». ¹⁰⁰ Несколько позже, опираясь на материалы раскопок 1981 г., Г. Штендер установил различия в конструкциях валов всех трех периодов, хотя и довольно сумбурно. ¹⁰¹

⁹⁷ Там же. С. 15.

⁹⁸ Кирпичников А. Н. Исследования в Новгородском кремле и Порховской крепости // АО. 1981 г. М., 1983. С. 17.

⁹⁹ Штендер Г. М. Новгородский детинец X—XI вв. // Изучение истории и культуры Новгородской земли: Тез. докл. научной конф. Новгород, 1987. С. 65.

¹⁰⁰ Штендер Г. М. [Введение к кн]: Каргер М. К. Новгород. М., 1980. С. 7—8.

¹⁰¹ Штендер Г. М. Новгородский детинец... С. 65.

Наиболее обоснованную и полную концепцию истории детинца представил в 1982 г. В. Л. Янин. Он не только выделил четыре этапа развития его границ,¹⁰² но и увязал формирование его территории с общегородским развитием: «Полагаем, однако, что древнейший кремль с большей вероятностью может быть локализован в северо-западной части нынешнего детинца, т. е. как раз исключая предположенный Штендером сектор. В пользу такого предположения говорит общая топографическая ситуация градостроительных древностей Софийской стороны: и Великая улица Неревельского конца, и Пробойная улица Людина конца — главные проезжие дороги Софийской стороны — нацелены в северо-западный сектор современного кремля».¹⁰³

Не встретившая критических возражений схема В. Л. Янина получила подтверждение в 1985 г., в результате раскопок вальной конструкции под восточной стеной Лихудова корпуса. Заложенный с целью выяснения причин деформации стен здания раскоп на глубине около 2,9 м обнаружил деревянные конструкции. Это были городни, разделенные срубными стенками и расположенные под углом 30° к стене здания. Слой заполнения этих городней авторы исследования датировали X—XI вв.¹⁰⁴ Дальнейшая расчистка показала, что городни вала лежат на нетронutom культурном слое толщиной около 70 см, в котором сохранились остатки хозяйственной постройки, с бревен постройки был сделан спил и получена дендродата — 962 г.¹⁰⁵ Следовательно, начало жизнедеятельности людей в этой части кремля относится к третьей четверти X в. Результат этих раскопок вселяет надежду на возможности археологии в решении проблем хронологии земляных укреплений детинца.

Начатое в последние годы обследование инженерного состояния укреплений кремля, вызванное критическим состоянием отдельных прясел и башен, наряду с установлением причин деформации предоставляет и сведения о конструктивных особенностях валов и стен. Заложенный в 1992 г. на месте рухнувшего прясла между Спасской и Княжия башнями шурф дал полный поперечный разрез насыпи вала. Изучение всего профиля насыпи позволило автору раскопок Н. К. Стеценко сделать ряд важных выводов о функциональном назначении вала. Расположение лежней в насыпи позволяет говорить об использовании древними строителями дерева не в качестве самостоятельной конструкции, а лишь как материала для армирования насыпи. Помимо армирования грунта, уложенное пирамидальной структурой дерево позволяло выдерживать форму вала как архитектурного сооружения. «Выводом исследований 1992 года является то, что кремлевский вал — земляное, армированное деревом сооружение, выполняющее роль фундамента для каменного объема прясла Спасская—Княжая башни, относится к одновременному с каменными частями кремля периоду строительства», — пишет Н. К. Сте-

¹⁰² Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 82—83.

¹⁰³ Там же. С. 82.

¹⁰⁴ Научный отчет об архитектурно-археологических исследованиях у восточной стены Лихудова корпуса в 1985 году (Архив НФИ «СПр», Р-2001, с. 9).

¹⁰⁵ Там же. С. 11.

ценко.¹⁰⁶ Как показали эти последние исследования, проблема соотношения вал—стена, рассматриваемая с архитектурно-археологических позиций, является удобной для исследования земляных укреплений.

Существенным вкладом в развитие исторических знаний о кремле являются и данные геологических и гидрологических исследований, особенно активно проводимых в настоящее время. При изучении наиболее древнего, практически недокументированного периода существования детинца X—XII вв. исключительное значение приобретают сведения геологии о древнем рельефе и характере его изменений в ходе деятельности человека. Уже сегодня стала реальной возможность полной реконструкции палеорельефа с учетом данных археологии, геологии и гидрогеологии. Кроме выявления складок местности, наличия оврагов, холмов и пр., эта информация позволяет определить естественный или антропогенный характер различных образований рельефа, что особенно ценно при изучении земляных оборонительных сооружений детинца.

Нынешняя ситуация в кремле характеризуется новым этапом крупных реставрационных и профилактических мероприятий, связанных с инженерным укреплением стен и башен, решением проблем гидрозащиты зданий кремля. При сохранении сложившейся практики параллельного научного изучения реставрируемых объектов по полной программе исследований этот этап может значительно обогатить имеющиеся научные разработки и помочь в решении многих проблем, существующих в историографии.

Изучение традиций источниковедения кремля позволяет проследить поэтапное накопление источникового материала различного характера: письменного, археологического и т. д. Наметившийся в последний период (с 1979 г.) переход к более полному использованию потенциала источниковой базы непосредственно связан с практическими задачами защиты архитектурно-археологического комплекса кремля от разрушения. Данное направление в изучении кремля как единого комплекса следует признать закономерным и магистральным.

Предложенная в настоящей работе периодизация позволяет, на наш взгляд, убедиться в постепенном возрастании роли археологии при решении наиболее спорных проблем истории и детинца и кремля. Общеизвестная и закрепившаяся в Новгороде методика археологических раскопок широкой площадью в кремле на сегодняшний день невозможна по целому ряду причин. Но декларированная в свое время идея сохранения культурного слоя кремля для следующих поколений ученых не спасает этот ценнейший вид источника от постепенного и неизбежного уничтожения из-за хозяйственной деятельности и ухудшающейся экологической обстановки на территории кремля. Бездзорность и хаотичность земляных работ — главная

угроза сохранности той информации, которая содержится в культурных отложениях. Поэтому необходима разработка на юридическом уровне положения о порядке проведения любых вскрытий земли, а также создание специальной программы соответствующих исследований в случае неизбежных раскопок, с привлечением представителей всех областей изучения кремля, способных свести к минимуму потери информации. Основным методом дальнейшего изучения истории, архитектуры и археологии кремля должно стать комплексное источниковедение, позволяющее связать воедино все виды источников и представить целостную картину истории памятника, сохраненного для нас временем.

¹⁰⁶ *Стеценко Н. К.* Раскопки в Новгородском кремле (на месте обрушения прясла Спасская—Княжая башни) // Новгород и Новгородская земля: Тез. докл. научно-практической конф. Новгород, 1993. С. 28.